

Ю. Л. БЕЛИК, Г. В. ТКАЧУК

КРЕПОСТЬ «ЕНИ-КАЛЕ» НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.

Фрагментарное описание крепости «Ени-Кале» путешественниками, исследователями XVIII–XIX вв. привело к тому, что на данный момент информация о крепости и ее военно-инженерных сооружениях самая противоречивая. В связи с этим необходимо более подробно рассмотреть историю крепости в период конца XVIII – начала XIX вв. Этот период связан со строительными, ремонтными работами, проводившимися российским командованием после перехода крепости в подданство Российской империи, которые большей частью коснулись внутренней планировки крепости.

Точных сведений о времени возведения крепости нет. Так, в топографическом описании указывается на то, что крепость «Ени-Кале» построена около 1700 года [18, с. 36]. Примерно эту же дату сооружения крепости называет Томилов [27, с. 188]. Ромм Жильбер отмечал: «Еникале было укреплено турками в 1707 году» [18, с. 66]. И.Э. Тунманн указывает на то, что крепость «Ени-Кале» турками была основана в 1703 году, и возведение ее завершилось за три года, к 1706 году [29, с. 42]. Анализ историко-биографического сочинения Халим Гирея, детально описавшего политическую ситуацию, сложившуюся в Крымском ханстве в период 1699–1704 гг., связанную со сменой правления ханов Эльхадж Селима Гирея и Девлет Гирея II [30, с. 81], позволяет заключить следующее: возведение на берегах Керченского пролива турками укреплений явно мешало планам России. Постоянными артиллерийскими обстрелами русские пытались помешать строительству новых турецких укреплений, под которыми следует понимать, в первую очередь, крепость «Ени-Кале». Если учесть, что рапорт инспектора османскому султану, как реакция на действия русских, был отправлен в 1704 году, вероятнее всего, само возведение крепости началось намного ранее, но к этому сроку еще не было завершено. В противном случае артиллерийские обстрелы были бы

невозможны для русских, так как они несли бы существенный урон от контрмер гарнизона крепости. Во время пребывания в крепости «Ени-Кале» с декабря 1711 по февраль 1712 г. Обри де ля Мотре, путешественник, выполнявший одновременно роль военного эмиссара, отметил, что помогавший ему в крепости итальянец-переводчик обратил внимание на то, что план крепости был создан «соотечественником» путешественника. То есть французский военный инженер являлся проектировщиком фортификационных сооружений «Ени-Кале». Более того, итальянец-переводчик отметил, что проект крепости «приведен в исполнение» турецким инженером [23, с. 202]. В подтверждение вышесказанного выступают упомянутые В.Д. Смирновым турецкие источники [25, с. 696-697]. В частности, Сейид Мухаммед Риза, согласно В.Д. Смирнову, указал имя архитектора крепости – Мустафа Ага. Рашид Эфенди называет «строителем» «Ени-Кале» того же Мустафу Агу, уточняя, в отличие от Сейида Мухаммеда Ризы, время ее закладки – 1702-1703 г. Более того, Рашид Эфенди замечает, что «крепость еще прежде начата постройкою, да не была окончена» [25, с. 696]. Вероятнее всего, активные действия русских подтолкнули турок к более быстрому воплощению плана крепости «Ени-Кале» в реальность. В сведениях, приводимых Фундуклулу, указывается место сооружения крепости [25, с. 696-697]. В.В. Веселов считал, что крепость была сооружена турками в начале XVIII в. [7, с. 233], и тоже заостряет внимание на том, что ее возводили турки при «консультации французского военного инженера» [7, с. 235]. А.А. Воронов и М.Б. Михайлова, описывая «Ени-Кале», отмечают 1703 год временем постройки крепости. При этом весьма кратко указывают на то, что «мощная крепость» сооружалась при «участии французских инженеров» [9, с. 114]. Л.Ю. Пономарев, освещая историю крепости «Ени-Кале», отмечает быстрый темп строительства, обращая внимание на то, что строительство было завершено в «рекордно короткие сроки, где-то в 1703 или 1706 годах». Он также отмечает, что крепость возводилась на основе французского проекта [21, с. 54]. Ю.В. Крикун в работе, посвященной памятникам крымскотатарской архитектуры, при описании крепости «Ени-Кале» указывает на то, что крепостные сооружения начали строить в 1700 г. и основные «черновые работы» выполнили к 1703 г. Весь же комплекс фортификационных сооружений был возведен, как считает автор публикации, в 1710 г. При этом Ю.В. Крикун указывает на то, что руководили работами французские военные инженеры [14, с. 135]. В противовес этому всему О. Иванина пишет, что сооружение крепости «Ени-Кале» началось в 1699 г., и к 1703 г. основной объем работ был выполнен. Отмечая попутно, что строительством руководил итальянец, принявший ислам – Галоппо, ссылаясь на работу С.Ф. Орешниковой [12, с. 94]. Комментируя работу О. Иваниной, следует отметить, что ее заявление относительно сроков сооружения крепости и руково-

дителя строительством не ново. Первым эту мысль высказал в 1997 году В. Холодков, тогда главный хранитель Керченского историко-культурного заповедника¹. И она по многим пунктам расходится с приведенными выше мнениями.

Крепость «Ени-Кале» расположена в северо-восточной части Керченского полуострова, в районе относительно пологого, каменистого мыса (рис. 1),

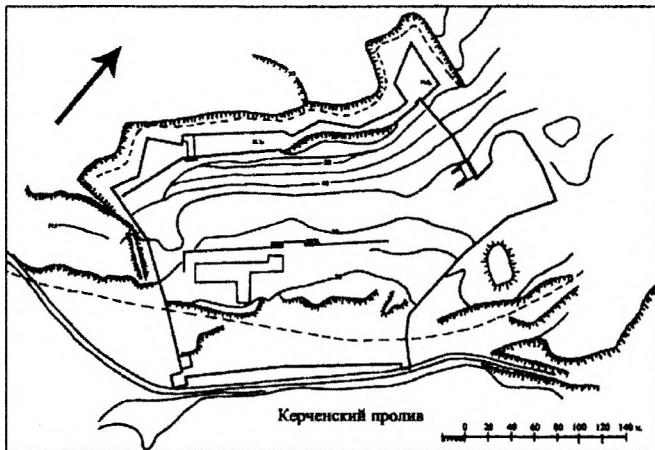

Рис. 1. Карта крепости «Ени-Кале».

обозначенного на современных картах как мыс Ени-Кале (шир. 45°36',9 N, долг. 36°36',4 O). Место для постройки крепости было выбрано весьма удачно [3, с. 182-195]. В районе крепости «Ени-Кале» преобладают сильнощебнистые и малоразвитые каменистые почвы [20, с. 100-101]. В своей массе район сложен из нерудных групп полезных ископаемых – известняков. Надежность естественного основания давала возможность снизить внешние воздействия на конструкцию. Фундамент способен был выдержать внешние силовые воздействия, как постоянные от собственного веса элементов конструкции и временные длительные от, в первую очередь, артиллерийских батарей, которые состояли из орудий разных калибров, боеприпасов и др.; так и кратковременные – вес перемещаемого артиллерийского комплекта, а также ряд природных воздействий (снег и, особенно, ветер), и особые силовые воздействия, к которым, прежде всего, следует отнести оползни (крепостные верки расположены на трех террасах), и действия артиллерии противника, направленные на разрушения крепостного фронта «Ени-Кале» [1, с. 14].

Для прилегающей местности характерен холмисто-балочный глинисто-известняковый рельеф с подковообразным расширением в верховьях балок [31, с. 27]. К северо-западу от крепости расстилается долина, спускающаяся к проливу песчаной равниной. Ряд вершин (холмов) имеют господствующее положение над местностью. Выделяются следующие высоты: гора Хрони (шир. 45°23' N, долг. 36° 36' O), высота 174,6 м; гора Тамир-Оба (шир. 45°24' N, долг. 36°33' O), высоты 154 м; 102,6 м; 70,4 м.

¹ В архиве автора статьи хранится рукописная работа В.Н. Холодкова «Историческая справка Ени-Кале (Новая крепость)» 1997 г.

К северу от крепости располагается Еникальский лиман, который примыкает к Керченскому проливу. Из-за особенностей геологического строения местности водоем утратил облик лимана [32, с. 124]. Обмеление лимана произошло не ранее IV в. н.э. Он превратился в болото, что привело к переименованию лимана на Еникальское болото или Еникальские (Жуковские) плавни. Кроме того, Еникальское болото зарефулировано глинистыми, песчаными грунтами. Глубина Еникальского лимана 0,1 м, длина 2,5 км, ширина 1,3 км, площадь 1,9 км² [32, с. 137]. Это позволяло использовать лиман как естественное прикрытие полигона крепости «Ени-Кале» от атак с северной стороны.

Керченский пролив в районе крепости имеет ряд особенностей в связи с тем, что в нем прорыт для удобства судоходства Керчь-Еникальский канал, который делится на четыре колена. Нас более всего интересует Еникальский отрезок (Еникальское колено), а также Чушкинский отрезок (Чушкинское колено).

Ближайшим мысом к крепости с западного направления является расположенный в 2,5 милях мыс Змеиный (шир. 45°21' N, долг. 36°33' O). В 3 милях на северо-восток находится мыс Фонарь (шир. 45°23' N, долг. 36°39' O), за которым следует в 2,8 мили на северо-запад мыс Варзовка (шир. 45°25' N, долг. 36°37' O). Замыкает с севера Керченский пролив мыс Хрони (шир. 45°26' N, долг. 36°35' O), который является западным входом в Керченский пролив [16, с. 139-141]. Берег между мысами Ени-Кале и Хрони сильно изрезан, и, как видно из описания, он тянется вначале на северо-восток, а далее, за мысом Фонарь, на северо-запад. Резко выделяется мыс Варзовка.

Районы перечисленных мысов до сих пор считаются опасными для плавания, особенно прибрежные участки, которые изобилуют различными камнями, скалами, рифами, банками. Берег в районе мысов обрывист, возвышен. Большую опасность представляют обширные отмели в районе крепости «Ени-Кале», в частности так называемые Церковные Банки с наименьшей глубиной 0,9 м, которые лежат на отмели Еникальская, простирающейся к югу от современного Керчь-Еникальского канала, от берега, который тянется к западу от мыса Ени-Кале. Подобное препятствие отмечено еще на картах XIX – начала XX вв. [РГВИА, ф. 349, оп. 18, № 1938]. Важно отметить, что район отмели Еникальская являлся опасным для плавания всех судов.

Глубина и рельеф Керченского пролива в районе крепости «Ени-Кале» отличаются от других участков западного берега пролива. В районе между мысом Ени-Кале и косой Чушка глубины в среднем не превышают 5,0-5,5 м (за исключением Керчь-Еникальского канала, который был сооружен в 70-е гг. XIX в.) [5, с. 10-11]. В XVIII в. подход к крепости крупнотоннажных судов был невозможен [27, с. 191]. В целом весь отрезок Керченского пролива в районе крепостных сооружений был опасен для плавания [26, с. 87].

Характеризуя условия, в которых приходилось кораблям подходить к

укреплениям «Ени-Кале», следует вспомнить описание Керченского пролива, сделанное профессором минералогии из Кембриджа Э.Д. Кларком, совершившим путешествие в 1800 году по России, Турции, Татарии. Описывая так называемый «Маяк Митридата» (Фонари Митридати), по всей видимости, современный район мыса Фонарь, он отмечал следующее: «Это сооружение, хотя и заброшенное с давних пор, должно было быть весьма значительным, потому что корабли, которые пересекают этот пролив, вынуждены прижиматься к крымскому побережью из-за недостаточной глубины в центре похода и у противоположного берега».

И как доказательство сложности плавания в данном районе Э.Д. Кларк далее пишет: «Здесь часто происходят аварии. Во время нашего пребывания большое турецкое торговое судно село на мель в нижнем течении южной оконечности Боспора; русский фрегат оказался не намного счастливее: было видно из «Ени-Кале», как он три раза коснулся мели, проходя через пролив» [13, с. 17].

Это в очередной раз указывает на то, что некоторый недостаток в орудиях крупного калибра в крепости «Ени-Кале» мог компенсироваться умелым использованием природно-географических особенностей местности. Потенциала крепости было достаточно для поражения флота противника, особенно если учесть, что последнему нужно было вести не просто борьбу с приморской крепостью, а еще вдобавок пытаться справиться со специфическим, достаточно сложным проходом через Керченский пролив [3, с. 185-186].

Специфика местности повлияла на конструктивную схему сооружения, определила фортификационные особенности конструкции, которые в конечном итоге сказались на боевых качествах крепости [2, с. 135-137; 3, с. 14-18]. В первую очередь это касается самого принципа начертания оборонительной ограды крепости (рис. 2). Сооружение «Ени-Кале» велось по

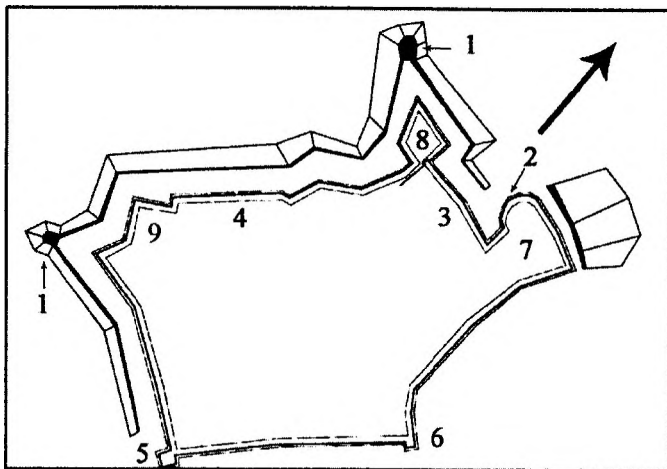

Рис. 2. Крепостной многоугольник – полигон, выполнен на основе карты 1771 г.

1 – исходящий плацдарм прикрытого пути; 2 – орильон; 3 – куртина № III (К № III); 4 – куртина № IV (К № IV); 5 – юго-восточный бастион (Б № 1); 6 – восточный бастион (Б № 2); 7 – северный бастион (Б № 3); 8 – северо-западный бастион (Б № 4); 9 – редан.

внешней линии полигона [33, с. 64], тем самым стороны крепостного многоугольника, в частности шпицы бастионов и куртина, имели дополнительное укрытие от огня артиллерии противника, используя выгоду местного ландшафта. При этом фронтальная и перекрестная оборона впереди лежащей местности не ослабевала. Таким образом, можно заключить, что месторасположение крепости в целом выбрано было удачно.

С тюркского «Ени-кале» означает – «Новая крепость» [2, с. 135; 24, с. 198-202]. Именно так нарекли турки в начале XVIII в. долговременные фортификационные сооружения, возведенные на берегах Керченского пролива². Следует сказать, что возведенная крепость играла существенную роль в стратегических планах османского командования, оставаясь серьезной угрозой на пути продвижения в первую очередь российского флота в Черное море через Керченский пролив.

Но, несмотря на все старания турок, в начале лета 1771 г. в ходе русско-турецкой войны 1768-1774 гг. российская армия овладела целым рядом укрепленных пунктов на территории Крымского полуострова. К их числу относилась и крепость «Ени-Кале». Крепость «Ени-Кале» и крепость «Керчь» стали первыми официальными российскими приобретениями на крымской земле, согласно подписанному в 1774 г. Кючук-Кайнарджийскому мирному договору между Российской и Османской империями. Правда, турки не желали мириться с потерей. И Российскому государству пришлось еще неоднократно отстаивать свои владения. Нестабильная военно-политическая¹ ситуация в Азово-Черноморском бассейне в конце XVIII в. требовала от российской армии постоянной готовности [6, с. 286-296; 11]. Это вынуждало армию содержать в надлежащем состоянии фортификационные сооружения, в первую очередь, крепости, располагавшиеся на Керченском полуострове, среди которых крепость «Ени-Кале» играла ключевую роль.

В начале XIX в. крепость имела немного иной вид, чем при постройке. Изменения коснулись, в первую очередь, внутренней планировки крепости, фортификационные же сооружения за период с 1771 по 1810 гг. изменились незначительно. Крепостные объекты условно можно разделить на три группы: коммуникации, относимые к Ени-Кале, собственно, сами крепостные сооружения и форштадт.

Характеризуя крепостные сооружения, следует сказать, что крепость «Ени-Кале» относилась к малым приморским крепостям. Крепостная ограда была представлена как главным оборонительным валом, так и рядом вспомогательных, придаточных построек, как внешних, так и внутренних.

² Сохранилось немало наименований Керченского пролива. В период господства Османской империи над Азовским и Черным морями пролив именовали как Каффинский [29, с. 42].

Главный оборонительный вал представлял собой наружный пояс крепостных сооружений, сложенный из тесаного камня-известняка, спереди имелся каменный бруствер, за которым располагался земляной валганг, предназначенный для размещения на нем артиллерийских орудий и стрелков. Почти на всем протяжении валганг был земляной, но на некоторых участках он усиливался тесаным камнем.

Высота профиля над уровнем моря достигала порой более 180 футов (около 54 м). Ширина отдельных участков валганга с бруствером достигала 20 м. Для артиллерийских орудий за бруствером, на валганге устраивались банкеты, которые представляли собой деревянные платформы под орудийные лафеты. Главную

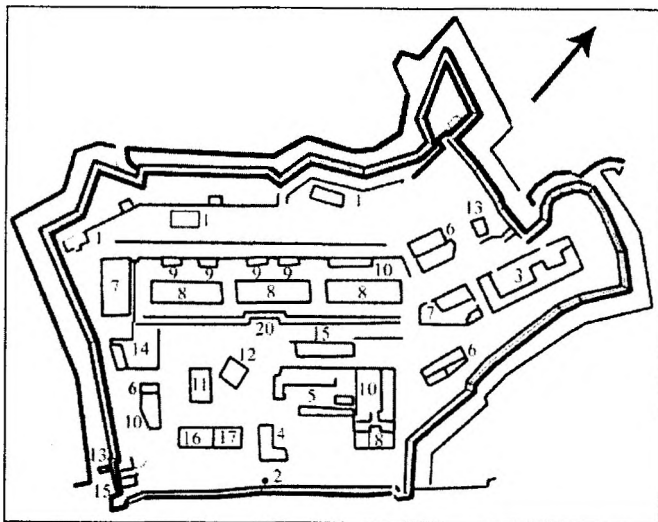

Рис. 3. Схема крепости «Ени-Кале», начало XIX в. (реконструкция автора).

1 – пороховой погреб; 2 – печь для калия ядер; 3 – артиллерийский арсенал; 4 – дома для гауптвахты; 5 – дом, занимаемый комендантом; 6 – штаб обер-офицерские квартиры; 7 – офицерские флигеля; 8 – солдатские казармы; 9 – кухни при солдатских казармах; 10 – кухня; 11 – провиантский магазин; 12 – каменная турецкая мечеть, занимаемая инженерным цейхгаузом; 13 – кордегардия; 14 – лазарет; 15 – бассейны и водотекущие трубы; 16 – пороховой погреб; 17 – главная гауптвахта; 18 – комендантский дом; 20 – подпорная стена с лестницей (контрфорс).

ограду окружал неширокий ров, охватывая крепость с трех основных сторон. Со стороны моря ров не требовался. Сам ров был сухим, его и не предусматривалось заполнять водой. Это было бы просто невозможно. Эскарп усиливался каменной кладкой, выполнявшей роль контрфорса. Почти на всем протяжении эскарповые одежды были неполными, т.е. их высота не превышала местный горизонт. Высота эскарповой стенки не превышала высоту гласиса. На некоторых участках перед главным оборонительным валом имелась узкая берма. Контрэскарп был частично сложен из камня, частично вырублен в скальном грунте. Внутренняя сторона контрэскарпа на отдельных участках, по всей видимости, была выполнена уступами. Линия контрэскарпа шла параллельно куртине и фасам бастионов. В редких случаях, как, например, на участке, параллельном западному фасу северо-западного бастиона (бастион № 4), линия контрэскарпа изламывалась. Снаружи

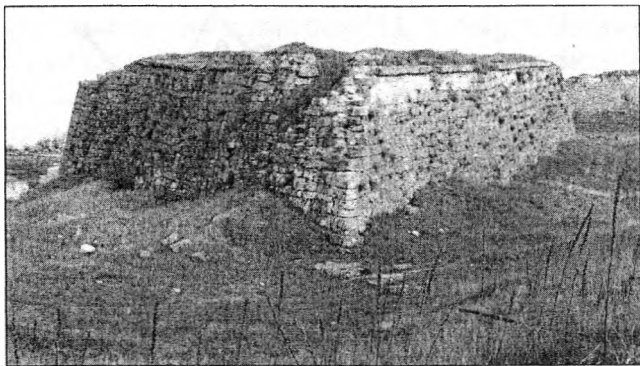

Рис. 4. Вид на северо-западный бастион (Б № 4).

главного оборонительного вала, за рвом, с трех сторон был отсыпан гласис с прикрытым путем. Это служило дополнительным усилением крепости и при необходимости позволяло совершать контрмеры против осаждающих. Высота гласиса позволяла скрывать основные постройки от взора противника. В подавляющем большинстве случаев на картах

XVIII-XIX вв. отмечается еще одно вспомогательное внешнее инженерное сооружение – фоссебрея, или ретраншемент тенального начертания. Для подъема пехоты на прикрытый путь и проход к ретраншементу во рву, к контрэскарпу были отсыпаны земляные аппарели небольшого размера.

Ключевыми элементами главного оборонительного вала были бастионы, соединенные куртиной (рис. 2, 8-9). Здесь необходимо вспомнить описание крепостных сооружений, сделанное П. Дюбрюксом. Так, он упоминает, что «крепость «Ени-Кале» с трех сторон имеет два бастиона, обращенных к полю...» [10, с. 11]. Вероятнее всего, П. Дюбрюкс имел в виду северный (№ 3) и северо-западный (№ 4) бастионы (рис. 2, 7, 8). Эти бастионы выгодно отличаются от остальных тем, что относятся к насыпным, имеют профиль, глядя на который можно с уверенностью заключить, что данная конструкция является бастионом. Помимо этого, оба бастиона намного больше других и, к тому же, действительно предназначались для контроля эспланады, обращенной к полю. Кратко характеризуя северо-западный бастион, хотелось бы отметить, что углы, шпиги бастионов имели небольшие эркеры, выполнявшие роль дозорных башен. Бастион занимал господствующее положение (рис. 4). Это объясняется необходимостью постоянного контроля прилегающей к бастиону эспланады, а также важностью иметь контроль над крепостным рвом и гласисом, ведя обстрел местности перед западной и северной куртинами (рис. 2, 3, 4). Помимо этого, в задачи входила оборона подступов к Азовским воротам. К 1803 г. на бастионе насчитывалось не более 8-10 орудий [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6118]. У восточного фланка бастиона размещался небольшой пороховой погреб, обеспечивавший артиллерийские орудия бастиона. С остальной крепостью бастион был связан узкой горжей, за которой следовала аппарель, позволявшая подняться на бастион. Северо-западный бастион, будучи самым мощным из всех в крепости, одновременно был и самым уязвимым.

Хоть его фасы, фланки были окружены высоким гласисом, к которому примыкала западная фоссебрея, все-таки этого было явно недостаточно. Это осознали русским командованием, и, в связи с очередным конфликтом в начале XIX в. между Российским государством и Османской империей (война 1806-1812 г.), вынудило военно-инженерное ведомство составить проект модернизации крепости «Ени-Кале» [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 61424; РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6147]. Ни один из вариантов осуществлен так и не был.

Примыкавшие к северо-западному бастиону западная и северная куртины составляли со смежными бастионами общий бастионный фронт крепостной ограды. Северная куртина была общей для северо-западного бастиона (№ 4) и северного (№ 3) (рис. 2,3). Она спускалась террасами к северному бастиону. Северный бастион значительно отличался не только от бастионов крепости «Ени-Кале», но и вообще был редким явлением среди османских крепостей (рис. 2,7). Специфика северного бастиона заключалась в том, что помимо защиты прилегающей эспланады, «обращенной к полю», артиллерийские орудия, располагавшиеся на бастионе, обязаны были своим огнем контролировать фарватер, проходивший вблизи от крепостных построек. Это потребовало от военных инженеров приспособить бастионный профиль к поставленным задачам с учетом местного рельефа. Бастион был хорошо защищен со всех сторон гласисом и рвом. Кроме того, и это, пожалуй, главное, западный фланк северного бастиона с целью защиты Азовских ворот был выполнен в форме орильона с пониженным фланком (рис. 2,2; 5). Полукруглый выступ орильона дополнительно усиливал оборону не только северной куртины, но и ворот. Начиная с 1804 г., было принято решение заложить часть амбразур крепости, это коснулось, в том числе, и северного бастиона. Следы этих работ сохранились частично до сегодняшнего времени [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6124]. Так, в бруствере бастиона и прилегающей северо-восточной куртины было заложено 15 амбразур, в восточной куртине, где располагалась приморская батарея, 3 амбразуры. Закладка амбразур и

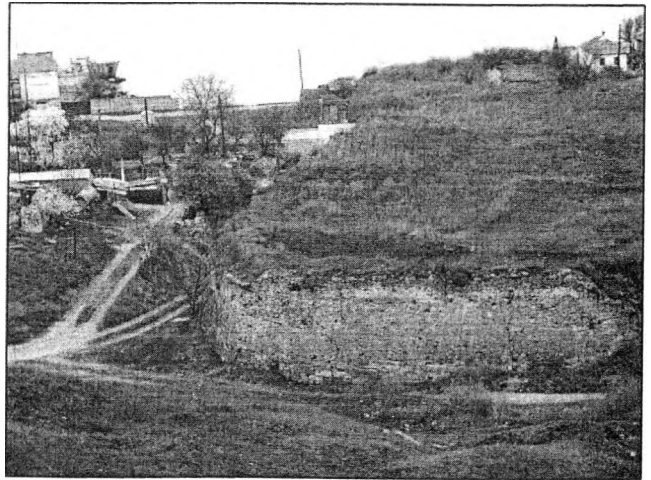

Рис. 5. Вид на орильон, пониженный фланк северного бастиона (Б № 3).

ремонт бруствера продолжались и в последующем [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6128]. На северном бастионе располагался арсенал.

Как северный, так и северо-западный бастионы были насыпными. Это означает, что их внутреннее пространство было заполнено бутом, дерном, землей. Практика возведения насыпных бастионов была не нова. Насыпные бастионы применялись в странах Европы, России. В крепости выделяют еще три бастиона [14, с. 135]. При более тщательном анализе фронта крепости «Ени-Кале» с уверенностью можно сказать, что два бастиона (северо-западный (№ 4), северный (№ 3)) насыпные, юго-восточный (бастион № 1 или Водяной бастион) является одновременно и цистерной (рис. 2,5), северо-восточный (бастион № 2) со специальным выходом к побережью относительно мал, и с некоторыми оговорками его можно считать полубастионом (рис. 2,6), а так называемый бастион № 5, расположенный у Арабатских ворот, по сути, участок фронта главной ограды крепости с реданным профилем (рис. 2,9).

Крепость имела трое ворот: со стороны города Керчи располагались Черноморские или Керченские ворота (рис. 6), с севера – Азовские ворота (рис. 7) и с запада – Арабатские ворота. Азовские ворота имели арочное перекрытие с лицевой стороны, усиленное пилонами, которые выполняли роль контрфорсов. Ворота были поворотными, открывались внутрь. Над аркой прохода, вероятно, имелась надпись, содержание которой на данный момент неизвестно (рис. 8). Предположительно, она могла быть такого же содержания, как и на турецкой крепости «Анапа»³ [22, с. 151-153]. При Азовских воротах располагалось казематированное сооружение – караульное помещение.

Следует обратить внимание на приморскую батарею. Так, П. Дюбрюк отмечал: «батарея, обращенная к морю, очень удобна для защиты прохода в Азовское море...» и далее: «...на этой батарее находится печь для накаления ядер» [10, с. 11]. В самой крепости имелась только одна береговая батарея, которая располагалась на восточной куртине. Артиллерия, располагавшаяся на батарее, могла вести прицельный огонь по всем проходившим через Керченский пролив кораблям [3, с. 185-186]. Весьма примечательно в описании батареи это указание на наличие специальной печи для каления ядер. Действительно, данный объект (№ 45) отмечается на плане крепости 1810 г. [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6141]. Хоть печь до наших дней и не сохранилась, но место ее расположения легко вычислить. Она располагалась напротив излома восточной куртины в нескольких метрах от бруствера (рис. 3,2). Печь сохранялась до 1829 г., когда было принято решение о возведении уже двух

³ Надпись приводится целиком из ЗООИД: «Как пузыри лопаются (взрываются) по всем сторонам (кругом) купола девяти (путей) небесным пламя когда комендант крепости приближается к ея пушкам фитиль, зажигающий огонь».

«калительных» печей (объект №№ 40, 45) [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6212] на той же батарее, но в разных ее местах. Объект № 40 располагался ближе к бастиону № 2, а объект № 45 ближе к бастиону № 1. Эти печи сохранялись вплоть до 1837 г. [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6258]. Подобные печи применялись практически во всех приморских крепостях. Они предназначены были для накаливания ядер с целью произведения пожаров на кораблях. Логично предположить, что подобные печи были в крепости и при турках, но на сегодняшний момент мы такими сведениями не располагаем.

Описывая вспомогательные внутрикрепостные постройки, следует упомянуть казармы солдат, офицерские квартиры, дом коменданта и плац-майора. На начало XIX в. большинство перечисленных сооружений уже были. Об этих и других внутренних постройках однозначно говорить сложно, так как в период с конца XVIII до начала XIX вв. они неоднократно изменялись не только внешне, но и менялось их месторасположение. Так, говоря о казармах, следует сказать, что уже в 90-е гг. XVIII в. в крепости были две казармы солдат, несших гарнизонную службу, офицерская казарма. В конце 90-х гг. XVIII в. была возведена третья солдатская казарма, вероятнее всего, в 1797-1798 гг. (рис. 3,8). Солдатские казармы располагались на так называемой средней террасе крепости. За ними под склоном располагалась кухня (рис. 3,9). В 20-е гг. XIX в. средняя (вторая) солдатская казарма была снесена. В ноябре 1799 г. был упразднен крепостной храм Успения Богородицы,

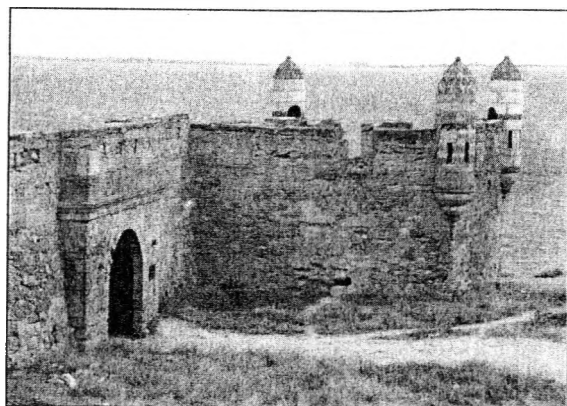

Рис. 6. Черноморские ворота и Водный бастион (№ 1) (фото автора).

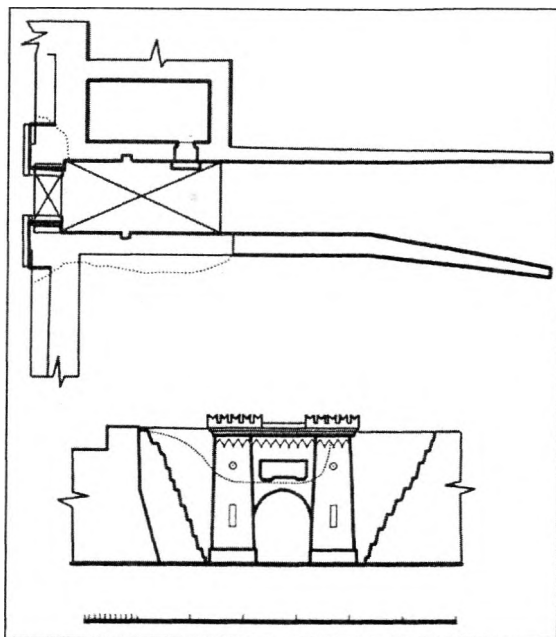

Рис. 7. Азовские ворота. План (реконструкция автора).

Рис. 8. Азовские ворота (фото автора).

Рис. 9. Закладной камень с датой, указывающей на завершение строительства подпорной стены с лестницей (фото автора).

существовавший на месте бывшей мечети в центральной части крепости [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6112]. Здание было превращено в инженерный цейхгауз, просуществовавший до 1818 г. (рис. 3, 12). В 1802 г. была построена новая артиллерийская казарма, размещавшаяся недалеко от бастиона № 2. У южной куртины началось возведение госпиталя с несколькими покоем, помещением для лекаря, кухней (рис. 3, 14). Артиллерийская сортия была перенесена из Арабатских ворот к бастиону № 2. Гауптвахту расположили рядом с инженерным цейхгаузом, бывшим храмом (мечетью). Старые турецкие постройки активно разбирались [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6114]. Квартиры офицеров, коменданта видоизменились. В 1804 году началось сооружение подпорной стены, препятствовавшей разрушению верхних террас и усиливавшей фундамент солдатских казарм. Опорная стена имела лестницу, которая частично сохранилась (рис. 3, 20). Строительство было завершено в 1834 г., о чем гласит надпись, выполненная на камне с указанием даты окончания стройки (рис. 9). На схеме расположения крепостных сооружений 1810 г. можно выделить 18 различных типов построек [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6141].

У крепости располагались два форштадта – северо-восточный и южный. Любопытно отметить, что южный форштадт на карте 1818 г. носит название Греческого предместья, а северный – Предместье Опасная [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6178]. Северо-восточный форштадт первоначально размещался почти у самых стен северного бастиона, что не соответствовало требованиям, предъявляемым к обороне крепости. Это повлекло за собой перенос домов далее от крепостных сооружений. В форштадте имелась мечеть, снесенная после прихода русской армии. Было несколько фонтанов, колодцев. Уже в 1802 г. в северо-восточном форштадте размещались кирпичный завод и печь для выжигания известняка. Далее на север находились военные конюшни. В 1802 г. сад,

размещавшийся к северу за крепостью, недалеко от конюшен, был обнесен небольшим рвом и валом [РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6114]. Через северный пригород «Ени-Кале» проходило несколько дорог. Одна из них шла вдоль морского побережья в сторону Еникальского маяка, и минимум две шли в том же направлении, но огибали сад и Еникальское болото. По одной из дорог можно было добраться до деревни Баксы.

Южный пригород был значительно богаче и больше по размерам. В отличие от северного, он живописно располагался вдоль скалистых склонов, вытянувшись в направлении Керчи. В южном форштадте насчитывалось минимум три улицы. До присоединения «Ени-Кале» к Российской империи

здесь было три мечети. Мечеть, располагавшаяся ближе к крепости, имела купольное перекрытие и минарет. В последующем на ее месте был построен православный храм Успения Богородицы с пределом Николая Чудотворца, разрушенный окончательно после Великой Отечественной войны. Но одна из реликвий храма – икона Богородицы Троеручицы – сохранилась и размещается в храме Успения Богородицы, расположенном в одном из районов современной Керчи. В южном форштадте имелись рынок, гостиный двор с торговыми помещениями, паланки Войска Черноморского, отделение полиции, при въезде в город – кордегардия, магистрат, таможня, почтовая контора (рис. 12).

П. Дюбрюкс при описании района крепости «Ени-Кале» упоминает один из самых загадочных объектов северо-западного участка Керченского полуострова. Это многокилометровый водопровод, тянувшийся из Баксов к крепости и еще более загадочный объект – акведук. Анализ источников и разведка предполагаемого участка акведука и водопровода дают на данный момент основания сделать следующие выводы.

Все гидротехнические сооружения крепости «Ени-Кале» состоят из трех основных групп: 1) источники; 2) водосборные сооружения; 3) водоводные системы. Первая группа представлена колодцами, родниками, фонтанами.

Рис. 10. Карта-схема маршрута водопроводной магистральной линии Баксы – крепость «Ени-Кале».

В ходе исследования было выявлено 5 источников в северо-западной части современного с. Глазовка (бывшего Баксы). Кроме указанной группы к западу от крепости, в районе бывшего аула Джанкой, размещаются два действующих ныне древних колодца. Вдоль побережья Керченского пролива, к юго-западу от крепостных построек в районе п. Капканы, имеется ряд источников, из которых два постоянно действующих и ряд временных, пересыхающих в засушливое время года.

Вторая группа гидротехнических сооружений, включающая в себя водохранилища и цистерны, имеет недостаточную сохранность. Наиболее значимым объектом является цистерна под бастионом № 1 (Водный бастион), в которой помещалась вода для гарнизона, поступавшая сюда по проведенным подземным трубам. Кроме того, в центральной части крепости имелась еще одна не сохранившаяся цистерна. Также на территории крепости были обнаружены различные по объему известняковые и мраморные корыта. В частности, упоминаемый П. Дюбрюксом «саркофаг» и мог быть поилкой для скота, располагавшейся рядом с морем, у Водяного бастиона (№ 1).

К третьей группе инженерных коммуникаций относятся водопроводные сети и водостоки. Водопроводные сети разделяются на магистральные и распределительные линии. Первые служат для транспортирования транзитных масс воды, вторые – для подачи воды в конечные пункты. Проведенные В.В. Веселовым⁴ в 40-50-х гг. XX в. археологические разведки водопровода [8] и приведенные им аналогии поставили ряд вопросов. Во-первых, из каких гидротехнических элементов состоял водопровод, а также каковы были параметры обнаруженных труб? Имеются ли обнаруженным керамическим трубам аналоги в Северном Причерноморье? Каким образом могла осуществляться прокладка водопровода, в частности магистральных линий? Во-вторых, состояние и сохранность акведука, его конструкция. В-третьих, хронологические рамки функционирования водопроводной сети. Насколько могли быть существенными

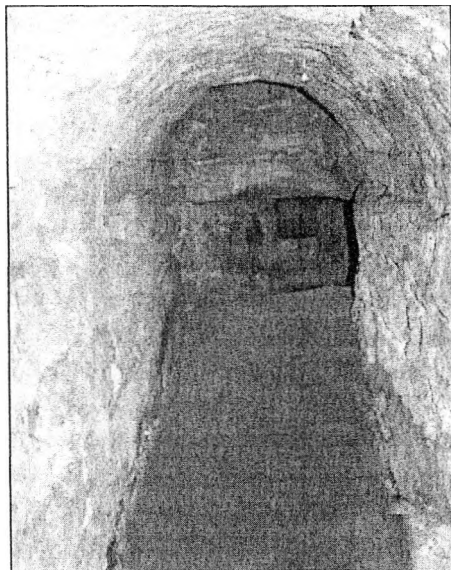

Рис. 11. Сохранившиеся в районе с. Баксы элементы водопроводной системы Баксы – крепость «Ени-Кале» (современное состояние).

⁴ В.В. Веселов, по весьма верному замечанию А.А. Масленникова, странным образом во многом повторил судьбу П. Дюбрюкса [17, с. 157].

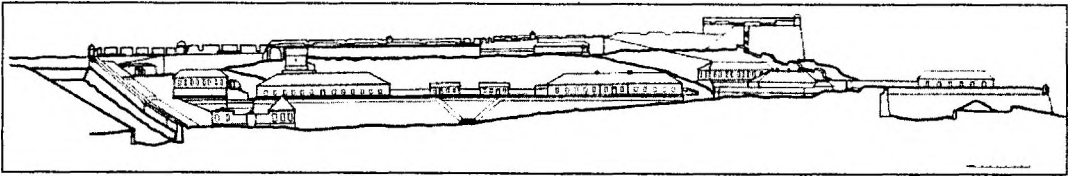

Рис. 12. Вид на среднюю и верхнюю террасы крепости «Ени-Кале» начала XIX в. (реконструкция автора).

перестройки водопровода в османский период? В-четвертых, возможности использования водопровода в решении ирригационных задач на прилегающей местности. Возможны ли альтернативы данной магистральной линии водопровода? В-пятых, способы защиты водопровода от действий противника.

Отвечая на первый вопрос, можем выделить следующие составные элементы водопровода: 1 – источники, колодцы; 2 – собственно, сама трасса водопровода, состоящая из керамических труб, протяженность которой составляла 9,78 км [28, с. 88]; 3 – водозаборные пункты, из которых непосредственно происходил забор воды; 4 – акведук (рис. 10; 11). Кроме того, фонтаны, которых на территории крепости насчитывалось минимум пять, один – во рву перед северной куртиной, два – в северном форштадте. При этом один из фонтанов был устроен у Водного бастиона, что позволяло жителям южного пригорода производить забор воды. Все фонтаны располагались по ходу магистральной трассы водопроводной линии.

В ходе анализа труб, являвшихся одним из ключевых элементов всей системы водоснабжения крепости «Ени-Кале», удалось выявить их особенности. Трубы по своим характеристикам подразделяются на четыре типа [4, с. 16]. Трубы первого и второго типа были выявлены на участках магистральной линии Баксы – крепость «Ени-Кале». Трубы третьего и четвертого типа являлись элементами гидротехнической конструкции альтернативного водоснабжения, которая питалась за счет источников к югу и юго-западу от крепости. Из четырех выявленных типов труб наиболее своеобразен первый. Он имеет нехарактерное для остальных расширение раструба, при сравнительно меньшей длине всей трубы. Толщина стенки 12-20 мм. Кольцевой упор имеет длину 40 мм, высоту 30 мм. Внутренний диаметр канала трубы этой части составляет 160 мм. Трубы тщательно состыковывались. Кольцевой упор и муфта, присутствовавшие во всех конструкциях труб, создавали герметичность и цельность, предотвращая разрушение труб от механических воздействий. Второй тип труб так же, как и остальные, более продолговат и имеет меньший диапазон диаметров внутреннего канала. Трубы этих типов имеют близкие технологически признаки, в частности кольцевой упор более четко профилирован, что особенно заметно у труб второго и четвертого типа, толщина

стенки трубы колеблется от 8 до 16 мм. У четвертого типа труб на протяжении 150 мм от широкого конца канала внутренний диаметр уменьшается.

Работа по переносу на местность водопровода заключалась в определении положения осей трассы, а также в установке труб в проектное положение. Перенос на местность осей трасс водопровода был трудоемким и ответственным делом. Способ переноса осей трассы на местность зависит от целого ряда факторов. Особое внимание при строительстве трассы водопровода необходимо было уделять специфике местного рельефа. Для преобразования рельефа при сооружении трасс подземных коммуникаций наиболее верной была вертикальная планировка конструкции магистральной линии [19, с. 141-152]. Такой вариант архитектурно-планировочного решения обеспечивал лучший сток воды, создавая более благоприятные условия для постройки и эксплуатации, что наиболее актуально для баксинской магистральной линии водопровода, в которой движение водных масс осуществлялось естественным, самотечным способом.

Сведения, содержащие информацию относительно акведука, ограничены несколькими изображениями [28], фотографиями остатков самой конструкции⁵ и разрозненными сообщениями путешественников XVIII-XIX вв. Картографический материал помогает уточнить места расположения так называемого акведука. Эта гидротехническая конструкция располагалась к югу от Баксов, пересекала одну из рек. Направление акведука не совпадало с маршрутом магистральной линии на начальном этапе. Это дает основание говорить или о переносе трассы водопровода по более удобному пути или же данный акведук просто являлся обычным мостом, позволявшим пересекать в случае разлива одну из рек, протекающую по Баксинской долине, разрушенным задолго до захвата русскими этого района. До появления новых данных строить детальные реконструкции акведука преждевременно.

При наличии водных источников, располагавшихся в районе крепости, возникает вопрос о целесообразности столь протяженного водопровода. Объяснение, вероятно, следует искать в следующем: ближайших источников было явно недостаточно, поскольку вода требовалась не только для нужд самой крепости, но и форштадта; водопровод мог служить оросительной системой для окрестных полей и садов; обеспечение водными запасами войск, переправлявшихся на Тамань, а также флота, который контролировал оборону Керченского пролива совместно с крепостью «Ени-Кале» [15, с. 9], что являлось одним из ключевых предназначений водопровода.

Еще одной составляющей гидротехнических сооружений, относящихся к третьей группе, являются водостоки, которые в крепости «Ени-Кале»

⁵ Фото представлены в хранящемся в архиве автора «Альбоме В.В. Веселова 1959-1961 гг.».

представлены весьма фрагментарно. При обследовании западного фланка северного бастиона (бастион № 3) в эскарпной стене был выявлен встроенный во внешний панцирь водосток, выполнявший роль дренажа, отводившего накопившиеся в основном теле бастиона осадочные воды. В районе пониженного фланка у Азовских ворот были обнаружены фрагменты, относящиеся к водосливу, один из которых являлся цельной конструкцией. Оба вырублены из известняка [4, с. 18].

Исследование гидротехнических сооружений, расположенных в северо-восточной части Керченского полуострова, позволяет связать их в единую гидротехническую систему. Анализ элементов еникальско-баксинской водоводной системы не дает ответа относительно времени функционирования как всей системы, так и ее отдельных составляющих. Исходя из консервативности использования технических приемов при возведении водопроводов, следует признать, что выявленные признаки гидротехнической системы указывают на их причастность непосредственно к снабжению водой крепости «Ени-Кале». Тем самым верно было бы определить время функционирования всей системы в пределах XVIII-XIX вв.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные дают основание рассматривать крепость «Ени-Кале» как важное военно-инженерное сооружение не только начала – последней трети XVIII в., но и рубежа XVIII-XIX вв. Это подтверждается значительными строительными работами на территории самой крепости и некоторыми военно-инженерными изысканиями с целью усиления обороноспособности «Ени-Кале».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектура гражданских и промышленных зданий. Т. II. Основы проектирования // Под общ. ред. В.М. Предченского. М., 1976.
2. Белик Ю.Л. Краткая характеристика бастионного фронта крепости Еникале // Пантикапей-Боспор-Керчь – 26 веков древней столице. Мат-лы междунар. конф. Керчь, 2000.
3. Белик Ю.Л. Роль географического фактора при возведении крепости «Ени-Кале» // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. X.
4. Белик Ю.Л. Элементы гидротехнической системы крепости «Ени-Кале» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Откоз. Мат-лы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006.
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Керченский пролив // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. XV.
6. Быковская Н.В. Крепость Керчь и Еникале в сфере крымской политики России в конце XVIII в. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I.
7. Веселов В.В. Древние городища в районе Синягино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952.
8. Веселов В.В. Старинное водоснабжение Еникале // Керченский рабочий. 1963. № 93.
9. Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М., 1983.
10. Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Олук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. 4.

11. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756-1776). М., 2003.
12. Іваніна О. Фортеця Єнікале // Військово-історичний альманах. 2002. Річник III. Число 1(4).
13. Кларк Э.Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Кафы // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III.
14. Крикун Ю.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (XII-XX столетия). Симферополь, 2001.
15. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. Симферополь, 1998.
16. Лоция Черного моря. 1958.
17. Масленников А.А. Эллинистическая хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
18. Керчь. Документы и материалы по истории города / Сост. Л.А. Михайлов. Керчь, 1993.
19. Неумывакин Ю.К. Практическое руководство по геодезии для архитектурных служб района. М., 1972.
20. Подгородецкий Д.П. Крым: природа. Симферополь, 1988.
21. Пономарев Л.Ю. Средневековая Керчь. Керчь, 1999.
22. Принадлежащие музею Императорского Одесского Общества Истории и Древностей предметы с арабскими, персидскими и турецкими надписями // ЗООИД. 1915. Т. XXXII.
23. Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географическое описание, историческое и политическое исследование в Италии, Греции, Турции, в Татарии (Крыму) и т.д. / Перевод с франц. яз. Н.Н. Хлебко и Н.Ш. Шульгиной // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 12-13.
24. Санжаровец В.Ф. Историческая и современная топонимия северо-восточных и южных окраин города Керчи // Военно-исторические чтения. Выпуск 2-й. На Керченском плацдарме. Керчь, 2004.
25. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
26. Титов А.А. Подлинные записки флотского капитана Ильи Ивановича Ханыкова о донской экспедиции // ЗООИД. 1886. Т. 14.
27. [Томилов] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Османской Порты во владение Российской империи землями, 1774 года // ЗООИД. 1868. Т. 7.
28. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
29. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1990.
30. Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод А. Ильми, составление приложений и пояснения К. Усеинова. Под общ. ред. Н.С. Сейтягьяева. Симферополь, 2004.
31. Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 года. М., 1985.
32. Шнюков Е.Ф., Аленкин В.М., Путь А.Л. и др. Геология шельфа УССР. Керченский пролив. Киев, 1981.
33. Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000.

Belik Yu. L., Tkachuk G. B.

«Yeni-Kale» Fortress at the Turn of the 18th – 19th Centuries

Summary

The article is devoted to the history of «Yeni-Kale» fortress in the period of considerable construction changes undertaken by Russian command at then turn of the 18th – 19th centuries. Basing on the earlier, not known archive materials, as well as their own investigation the authors try to present the picture of general changes that influenced the defense potentials of the fortress.